

современных филологов, как Р. Якобсон, Ц. Тодоров, Ж. Дюбуа. Их работы и другие работы этого плана продиктованы стремлением осмыслить в свете лингвистических знаний, накопленных в XX в., факты, зарегистрированные риторикой и не нашедшие никакого объяснения в период господства сравнительно-исторического языкознания.

* * *

Единой, общепринятой классификации фигур нет. Не было ее, как указывал М. Л. Гаспаров [5, с. 23], и в античные времена. Наиболее распространенным было деление фигур на тропы и собственно фигуры, среди которых различались фигуры мысли и фигуры слова. К классу тропов относились отдельные слова в необычном употреблении, а к фигурам — необычно употребленные словосочетания. Словосочетания, меняющие смысл при каком-либо их изменении, образовывали разряд фигур мысли, а те, в которых смысл в таком случае остается неизменным, входили в разряд фигур слова.

Из новейших попыток систематизации и актуального осмысления фигур укажем работы В. И. Королькова и Ж. Дюбуа. В. И. Корольков, рассматривая только собственно фигуры, предлагает свою классификацию, согласно которой они делятся на три типа: фигуры протяженности (они в свою очередь подразделяются на фигуры убавления и прибавления), фигуры связности (с дальнейшим делением на фигуры разъединения и фигуры объединения) и фигуры значимости (среди них различаются фигуры уравнивания и фигуры выделения). Эта классификация имеет, на наш взгляд, несколько уязвимых точек:

1. Все фигуры убавления, разъединения и уравнивания рассматриваются как «минус-фигуры», составляющие немаркированный член оппозиции, а фигуры добавления, объединения и выделения — как маркированные [6, с. 76]. В соответствии с этим *а с и н д е т о н* («швед, русский колет, рубит, режет») трактуется как немаркированный член оппозиции, а *п о л и с и н д е т о н* («и пращ, и стрела, и лукавый кинжал щадят победителя годы») — как маркированный [6, с. 77]. С этим никак нельзя согласиться. Обе эти фигуры в равной степени маркированы, и если искать для каждой из них немаркированный элемент оппозиции, то таковым следует считать наиболее ординарную, наиболее частотную структуру, в которой все однородные члены предложения разделяются запятыми и только последний соединяется с другими союзом («... колет, рубит и режет», «пращ, стрела и лукавый кинжал»). Едва ли можно видеть в *п а р ц е л л я ц и и* («И тут увидели: недалеко от дороги — пять штук. Вышли из леса, стоят, ждут. Волки.» В. Шукшин) немаркированный член оппозиции, а в ее отсутствии маркированный, как это предлагается в схеме В. И. Королькова, — скорее наоборот.

2. Одни и те же фигуры попадают в разные группы классификации. Например, *а с и н д е т о н* и *п о л и с и н д е т о н*, *э л л и п с* и «детализация» входят и в класс фигур протяженности, и в фигуры связности; *в о с х о д я щ а я* и *н и с х о д я щ а я* *г р а д а ц и и* включены и в фигуры связности, и в фигуры значимости. А ведь подразделения одной классификации, по требованиям формальной логики, не должны пересекаться.

3. Неубедительным кажется зачисление в фигуры таких структур, как «отсутствие парцелляции», «отсутствие повторов», «отсутствие зевгмы» и т. п.

Хиазму в системе В. И. Королькова отводится место среди фигур связности, в группе фигур объединения, а именно в той ее подгруппе, которую автор называет «фигуры, основанные на усилении сходства». Такая локализация хиазма не вызывает возражений.